образом оказалось, что за лето я должен перевести Фауста, Короля Лира и одну поэму Петефи „Рыцарь Януш". Но писать-то я буду в двадцать пятые часы суток свой роман» [23, с. 342—343].

8 сентября 1947 г. значительная часть обширных планов уже выполнена. «А я бог знает что выделывал, нечто варварское, непозволительное. Две с половиной тысячи рифмованных строк лирики Петефи (среди них одна поэма в 1500 строк) в месяц с неделей. Короля Лира в полтора месяца. Но когда-то я переводил очень хорошо и ничего не добился. Единственный способ отомстить, это делать теперь то же самое плохо и до недобросовестности быстро. Роман, или, вернее, мир, к которому я повернулся в последнюю зиму, то, что я себе позволяю и (выходит!) могут позволить, это так далеко, так несоизмеримо, что какое мне дело до Лира и до того, плохо или хорошо я переведу его, т. е. *насколько* плохо» [23, с. 243—244]. 29 июня 1948 г.: «А теперь я с такою же бешеной торопливостью перевожу первую часть Гетевского Фауста, чтобы этой гонкой заработать возможность и право продолжать и, может быть, закончить зимою роман, начинание совершенно бескорыстное и убыточное, потому что он для текущей современной печати не предназначен» [23, с. 245—246]. Эта же ситуация обрисована в письме от середины октября 1948 г. [23, с. 248—249].

Наконец, 7 августа 1949 г. Пастернак сообщает: «Месяца через два-три мне придется напроситься на какой-нибудь заказ вроде перевода второй части Фауста (*я не люблю ее*) *ради рентабельности работы*, а пока спешно я принялся за вторую книгу романа» [23, с. 254].

Перед нами последовательный ряд свидетельств Пастернака о том, что Шекспира, Петефи и «Фауста» — Lebensverk Гёте — он переводил, страшно торопясь и халтуря, против своего желания, для того только, чтобы заработать денег и иметь возможность создать свой Lebenswerk — «Доктора Живаго». Именно в это время он сказал: «Шекспир и Гёте надоели мне, как „Правда" и „Известия"».

Но не будем торопиться с выводами.

«Перевожу первую часть Гётевского Фауста, это для денег,— заказ. Выходит, представь себе, и это естественно, пот⟨ому⟩ что подготовлено всем предшествующим: многое из сильнейшего у Лермонтова, Тютчева и Блока пошло именно отсюда». Точнее наблюдение о влиянии Гёте на русскую поэзию! Далее — неприятие филологически выверенных, тяготеющих к формальной точности переводов и объяснение возможности легко и быстро переводить немецкого классика, опираясь на русскую поэтическую традицию: «Меня удивляет, как могла Брюсова и Фета (в их переводах Фауста) миновать эта преемственность. Фауст по-русски может удаваться *невольно*, *импульсивно*» (письмо от 6 ноября 1948 г.) [23, с. 250].

Не только история поэзии, но и память прошлого, и настоящее сопрягаются с трудом над «Фаустом». Пастернак обращается к сокровенным воспоминаниям общей с О. М. Фрейденберг молодости, возникают мысли о Рильке, Цветаевой, Маяковском, о своем долге перед ушедшими и живыми, и в конце письма звучит как итог: «В такой обстановке и таких чувствах я занят сейчас Фаустом» (письмо от 30 ноября 1948 г.) [23, с. 253].

Настало совсем новое время, близится первое полное издание перевода, и Пастернак пишет 12 июля 1953 г.: «Пошла корректура обеих частей Фауста, и я не меньше десятой доли этой лирической реки в 600 страниц переделал заново в совершенно других решениях, было любопытно, могу ли я еще себе позволить такую блажь и дерзость, как, не считаясь с часами дня и ночи, пожелать родить на свет такого Фауста, который был бы мыслим и представим, который отнимал бы у пространства место, им занимаемое, как тело, а не как притязание, который был бы Фаустом в моем собственном нынешнем суждении и ощущении» [23, с. 270]. В 1952 г. поэт перенес инфаркт миокарда. И вот радость выздоровления слилась